

Владимир Фетисов

ДВЕ ПОВЕСТИ О ТАШКЕНТЦАХ

Дом Черданцевых
в Ташкенте

Повесть первая ЧЕРДАНЦЕВЫ

Старожилы Ташкента, конечно, помнят и улицу Черданцева, и жилой массив того же имени. Первые девятиэтажки в нашем городе начали строить именно там. Но мало кто знал тогда, а ещё меньше знает сейчас, кем был человек, чьим именем названы улица и жилой массив в столице Узбекистана.

По справедливости, эти городские топонимические объекты нужно было назвать именем Черданцевых, поскольку два человека с такой фамилией оставили яркий след в истории нашей республики: Никанор Степанович и Глеб Никанорович Черданцевы - отец и сын.

Осенью 1887 года в Ташкент, столицу Туркестанского края, прибывает семья Черданцевых, состоящая из трёх человек – главы семейства Никанора Степановича, его супруги Марии Ивановны и двухлетнего сынишки Глеба. Через год, уже в Ташкенте, у них родится дочь Елена.

Мария Ивановна и Никанор Степанович с Глебом и Еленой

Уже на следующий день по приезду, Никанор Степанович является к месту своей новой службы – прокуратуру Сырдарьинской области, где он шесть лет прослужит товарищем областного прокурора - была такая должность в дореволюционной России.

Было тогда Черданцеву 36 лет и родился он в далёком от Ташкента сибирском городе Тобольске в семье солдата, отслужившего полный 25-летний рекрутский срок.

Там же, в Тобольске, в 1868 году он оканчивает гимназию и год работает учителем. Однако нива просвещения не увлекла Никанора, и через некоторое время он становится студентом юридического факультета Императорского Московского университета, который успешно оканчивает

в 1874 году. В течение всей своей дальнейшей жизни он горделиво носил ромбик выпускника университета, никогда его не снимая. Первая должность Никанора Степановича как юриста – чиновник Главного управления Западной Сибири. Управление располагалось в Омске, и здесь он дослужился до чина надворного советника, занимая пост управляющего судным отделением и директора попечительского комитета тюрем. В 1884 году Черданцев женится на учительнице гимназии Марии Ивановне Куликовой, и через год у них рождается первенец Глеб.

В Ташкент Черданцев был переведён по ведомству Министерства юстиции. Поселяется семья товарища прокурора в собственном доме, расположенном на Куропаткинском проспекте (в советское время это улица получила название Первомайская, - ныне Шахриябзская).

Дом на Кропоткинской. Из семейного альбома Черданцевых

Дом был достаточно просторный. В левом крыле располагались приёмная и кабинет, где Никанор Степанович занимался частной юридической практикой.

В 1898 году в семье Черданцевых прибавление: рождается ещё один сын - Платон.

Никанор Степанович был высокопрофессиональным юристом. Не довольствуясь рутинной чиновничьей работой, он неустанно трудится над усовершенствованием судебной системы в Туркестанском крае. В местной и российской печати появляются десятки его статей с материалами по этой проблеме.

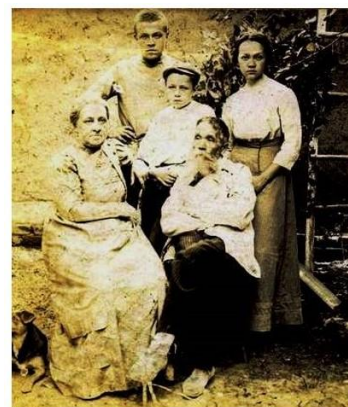
И ещё одно увлечение было у товарища областного прокурора – стенография. Эту новую тогда практику записи он усиленно пропагандировал и внедрял. Наезжая по служебным делам в столицу Российской империи, нередко берёт с собою детей.

В 1907 году в Петербургском издательстве К.Л. Рикера выходит книга «Курсы парламентской стенографии по системе Штольце» написанная Никанором Степановичем. Это был первый российский учебник по стенографии.

Никанор Степанович с сыновьями

В 1904 году Черданцев уходит с “государевой службы” и занимается частной практикой. Шесть лет работы в областной прокуратуре дали Черданцеву огромные возможности для приобретения ценного опыта в юриспруденции и нужных связей. За это время он обрывает знакомства со всеми значительными деятелями Ташкента и Туркестана и близко сходитя с Великим Князем Николаем Константиновичем. Их знакомство состоялось, скорее всего, во время осуществления Великим Князем своего проекта по

Семья Черданцевых. Ташкент, 1902 год.

“обводнению” Голодной степи. Юридические проблемы, неизбежно возникавшие при его реализации, неминуемо должны были привести Николая Константиновича в областную прокуратуру. Впрочем, и город Ташкент был тогда не настолько велик, чтобы две незаурядных личности могли разминуться.

После знакомства отношения этих людей быстро переросли в дружеские, и через некоторое время Никанор Степанович Черданцев становится официальным присяжным поверенным семьи Великого Князя и отстаивает интересы Николая Константиновича до самой его кончины. А после смерти своего венценосного доверителя и друга отважно защищает интересы вдовы, Надежды Александровны Искандер, которая пыталась отстоять условия завещания своего мужа. Большевики, как известно, решили национализировать имущество Великого Князя в пользу “трудового народа”. По условию завещания собственником дворца и обширной коллекции искусства назначался Ташкентский университет, который к тому времени уже был в проекте, а пожизненной опекуной наследия становилась Надежда Александровна.

Черданцеву удалось добиться выполнения завещания, и первые годы вдова Великого Князя действительно работала смотрительницей музея. Однако вскоре её уволили по надуманному обвинению в краже. И тут Никанор Степанович уже был бессилён.

Дальнейшая судьба присяжного поверенного Великого Князя пока мне неизвестна. Примерная дата его смерти - середина двадцатых годов.

Биография сына Никанора Степановича, Глеба Никаноровича Черданцева известна намного полнее. Родился он в Омске, в 1885 году.

Через два года семья переезжает в Ташкент, где прошли его детство и юность.

Окончив в 1903 году мужскую гимназию с медалью «За отличные успехи в науках», Глеб уезжает в Петербург и поступает на экономическое отделение Политехнического института. В 1905 году в связи с революционными событиями институт был временно закрыт, и Глеб, дабы не терять

Глеб Черданцев. Ташкент, 1903 год

времени, уезжает в Германию. Он слушает лекции по экономике сначала в Мюнхенском университете, а затем в Академии социальных и коммерческих наук во Франкфурте-на-Майне. Через год возвращается в Петербургский институт и в 1909 году оканчивает его с дипломом I степени, что дало ему право через год представить научную работу на соискание кандидата наук.

Глеб Черданцев (в центре) студент Петербургского политехнического института

Глеб выбирает тему «Водное право Туркестана в его настоящем и в проектах ближайшего будущего». Безусловно, помощь в подборе материала оказал ему отец.

Работая над диссертацией, Черданцев-младший живёт то в Ташкенте у своих родителей, то в Петербурге у родителей жены, Анны Яковлевны Боне, на которой женился ещё в студенческие годы. Через год кандидатская была защищена и, надо сказать, это был очень нужный для того времени труд. Дело в том, что водопользование в условиях Туркестана имело особое значение. Вода для полива распределялась в соответствии с местными обычаями, что часто приводило к злоупотреблениям в пользу более состоятельных землевладельцев. Подготавливался водный закон, который нуждался в обсуждении и критике, и диссертация Черданцева была весьма своевременной. Работа эта печаталась в местной газете, а в 1911 году вышла отдельной книжкой в Ташкенте.

Вскоре после защиты Глеб вместе с супругой покидает Петербург и уезжает в Одессу. Сменить климат пришлось по настоянию врачей – у Анны Яковлевны обнаружили туберкулёз.

В городе у Чёрного моря Глеб работает на различных, достаточно скромных должностях - писарем, таможенным переводчиком, помощником секретаря таможни, кассиром-бухгалтером. Здесь им была написана «История Одесской таможни за 1789–1912 гг.», оставшаяся, к сожалению, неопубликованной. Не хватило времени для подготовки её к печати, поскольку в семью приходит

трагедия. Анна Яковлевна не смогла победить болезнь и, похоронив супругу, Глеб в 1915 году возвращается в Ташкент.

В родном городе он начинает работать сначала делопроизводителем, а затем чиновником по сельскохозяйственной и оброчной части Управления земледелия и государственных имуществ Туркестанского края. Он активный участник Туркестанского Общества сельского хозяйства, преподаватель на курсах межевых инженеров, а в 1917 году мы видим его заместителем Туркестанского районного уполномоченного по топливу, ответственным за снабжение железных дорог края.

Когда встал вопрос об организации в Ташкенте университета, Черданцев младший принимает самое деятельное участие в его создании. В местной газете “Просвещение” появляются его статьи по вопросам организации в Ташкенте высшей школы. В декабре 1918 года при формировании руководящих органов вновь созданного учебного заведения первым его ректором избирается Глеб Никанорович Черданцев.

Хочу привести маленький отрывок из документальной книги Дмитрия Сухарева “За эшелонами эшелон”, рассказывающем о том времени: “Над шумом и зеленью города победно гремели трубы революции, собрание кричало: «Даёшь университет!»

Удивительно ли, что на волне победоносного порыва людям грезились великолепные планы? Удивительно и непостижимо другое — что планы эти были выполнены.

Вместе с дипломом я нашёл в бумагах отца зачётную книжку. Обычная зачётка вроде той, что была у меня: какой предмет, когда читался, сдан ли. Лекции отдельно, семинары и практикумы отдельно. Я таких зачёток поперевидал.

Но здесь была зачётка отца. «Время поступления — август 1918».

Я ещё раз просмотрел все листки, надеясь, что между ними затерялась какая-нибудь бумажка, свидетель тех малопонятных и грозных лет. Ничего такого не было, обычная зачётка. Курсы сданы, практические занятия отработаны, за девятнадцатым годом двадцатый, потом два следующих. Ничто не напоминало, какой ценой добыта обычность этого студенческого документика. Хорошо бы расспросить отца, но поздно. Бумаги его обыдены. «С апреля 1918 года работал по организации Туркестанского государственного университета в г. Ташкенте, куда осенью поступил учиться, продолжая работать. В августе 1919 года был мобилизован в РККА, работал в Политуправлении штаба Туркфронта ассистентом фронтовой партшколы, одновременно продолжал учиться...»

Самый первый учебный год, самый первый зачёт, подписано: Г. Черданцев. Это Глеб Никанорович, первый ректор университета. Было тогда ректору тридцать с небольшим.

Я нашёл его отчёт о первых годах университета, написанный сдержанно и сухо.

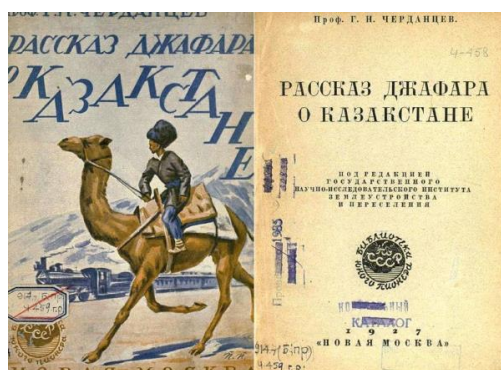
И только когда вслед за перечислением фактов и цифр Глеб Никанорович вдруг с теплотой и живостью говорит о дружбе, связывавшей преподавателей и студентов, начинаешь немного понимать, как им удалось выстоять, как вырос этот росток, выжил и развернул под туркестанским небом свои листья”.

С1921 года Черданцев профессор по кафедре истории хозяйственного быта и декан факультета общественных наук. Ведёт курсы политической экономии и истории хозяйственного быта Западной Европы. Работу в университете он совмещает с деятельностью по организации и планированию народного хозяйства Туркестанской АССР, являясь заместителем председателя, а затем членом Президиума республиканского Госплана, участником создания первых планов народного хозяйства.

В личной жизни Глеба Никаноровича также за это время происходят перемены – он женится на Екатерине Александровне Крапивиной. У супругов рождается сын, который умирает в младенчестве. Беда, как говорится, не ходит в одиночку. В семью Черданцевых приходит ещё одно горе. Трагически погибает сестра Елена, и её двухлетний сын Георгий остаётся сиротой. Правда, ненадолго. Глеб усыновляет племянника, в полной мере заменив ему отца. Георгий Черданцев вырос достойным человеком. О его героической, полной драматизма, судьбе, похожей на приключенческий роман, я расскажу чуть ниже.

Летом 1923 года Глеб Никанорович Черданцев возглавляет Госплан Хорезмской народной республики в Хиве, результатом чего явилось составление первого плана развития народного хозяйства этой республики.

Несомненно, на специалиста такого уровня профессиональной подготовки не могли не обратить внимание центральные власти и в августе 1924 его приглашают работать в Госплане СССР. Работает он в Туркестанской секции, курируя развитие народного хозяйства этого региона. Из-под его пера выходят книги и статьи по Средней Азии и Казахстану - «Среднеазиатские республики», «Казахстан», научно-популярная книжка для детей «Рассказ Джафара о Казахстане».

Для Большой советской энциклопедии им написано несколько статей - в частности, «Фергана».

Участвует Глеб Никанорович в различных экспедициях научных учреждений по Средней Азии и Казахстану. Сотрудничает в Энергетическом институте и Совете по изучению производительных сил АН СССР. Неоценимы его работы по составлению гипотез и планов развития водных ресурсов и энергетики в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении и Казахстане.

Не оставляет Черданцев и преподавательскую деятельность, читая лекции по картографии, экономической географии и хозяйственной статистике в Институте инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, Плановой Академии и ряде других вузов Москвы. С 1936 по 1940 годы заведует кафедрой составления и редактирования карт в МИИГАиКе. В декабре 1936 года ему присуждается ученая степень доктора экономических наук без защиты диссертации. С этого же времени и до осени 1941 года он член, а затем и председатель экспертной комиссии по географии Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР.

С началом войны Институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии был эвакуирован в Ташкент. В качестве руководителя института возвращается в родной для него город и Глеб Никанорович Черданцев.

Здесь 3 ноября 1943 года он был избран членом-корреспондентом вновь образованной Академии наук Узбекистана.

Г.Н. Черданцев

По окончании войны Черданцев возвращается в Москву, но связей с Узбекистаном не теряет. Он систематически приезжает в Ташкент, где ведёт работу по изучению перспектив развития электрификации Узбекистана, производительных сил Ангрено-Сурхандарьинского промышленного района и Ферганской долины в Институте экономики АН Узбекистана. Здесь же он пишет две главы и в целом редактирует двухтомный коллективный труд учёных Узбекистана по развитию производительных сил Ферганы.

Содействовал Глеб Никанорович и развитию высшего образования нашей республики, принимая активное участие в работе Ташкентского Государственного университета и Института народного хозяйства. Им подготовлено 30 кандидатов и докторов наук из всех среднеазиатских республик.

Диапазон научных исследований Глеба Никаноровича огромен, он глубоко и обстоятельно занимался вопросами энергетики и ирригации, планирования народного хозяйства и экономикой, общегеографическими проблемами и историей народного хозяйства, картографией и популяризацией науки.

В 1955 году Черданцеву было присвоено звание заслуженного деятеля науки Узбекистана, а 5 октября 1956 года он становится академиком АН УзССР.

5 декабря 1958 года, возвращаясь из очередной поездки, Глеб Никанорович Черданцев скоропостижно скончался от острой сердечной недостаточности в поезде Ташкент - Москва. Похоронен был выдающийся учёный на Новодевичьем кладбище в Москве.

Усыновлённый Глеб Никаноровичем Георгий, прожил славную жизнь. В октябре 1940 года восемнадцатилетним юношей вместе с другими призывниками Ташкента он отправляется служить в Красную Армию. Начало войны он встретил рядовым красноармейцем, а закончил с четырьмя капитанскими звёздочками на погонах, с орденами Красной Звезды и Отечественной войны первой степени и медалями на груди. Мужественно сражался на Западном фронте, участвовал в боях под

Москвой, освобождал Белоруссию и Восточную Пруссию. Как значится в его наградном листе: “ в боях под Танненбергом, в траншеях противника лично уничтожил трёх гитлеровцев, а пятерых взял в плен”.

После войны капитана Черданцева направляют в разведшколу, а после её окончания начинается многолетняя служба во внешней разведке. Под фамилией “Воронцов“, Черданцев работает за рубежом. Несколько лет в Афганистане. В книге Костромина “Моя жизнь разведка” рассказывающей о работе в Афганистане одна глава посвящена Воронцову-Черданцеву. В шестидесятые годы Георгий Черданцев, всё под той же фамилией, под маской советника советского посольства в Бонне, возглавляет советскую резидентуру в Западной Германии.

Георгий Черданцев (Воронцов) с супругой. Конец 1950-х

В газете «Известия» за 17 мая 1969 года была опубликована большая статья «Рыцари подлости» Б. Алексеева и И. Москвина, в которой рассказывалось о гибели 27 февраля 1969 года 45-летнего советника советского посольства Юрия Никаноровича Воронцова. Газета «Шпигель» через 20 дней после его гибели опубликовала статью «Шпионаж»: «...советник посольства Юрий Никанорович Воронцов являлся начальником советской разведки в Федеративной Республике Германии. Ему подчинялось 80 из 100 разведчиков советского посольства в Роландсеке и советского торгового представительства в Кельне...».

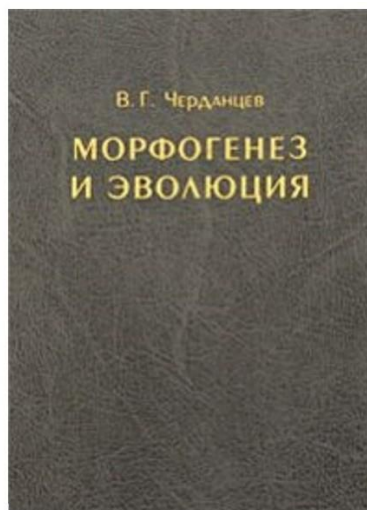
К моменту прибытия советских представителей на место аварии на шоссе царил полнейший порядок: машина Воронцова была отбуксирована на обочину, машины пострадавшего Ютгена не было, так же, как и его самого. Пожарная машина смыла все следы происшествия. На дороге не было никаких пометок, сделанных дорожной полицией, так же, как и свидетелей происшествия. Советское посольство трижды обращалось с официальными нотами в МИД ФРГ с требованием предоставить полную информацию об обстоятельствах гибели Воронцова.

Французская газета «Франс-Суар» писала: «Воронцов стал жертвой в автомобильной катастрофе при таинственных обстоятельствах... Согласно результатам официального вскрытия, он погиб от сердечного приступа, по слухам, был убит медленно действующим ядом...».

Так кто же все-таки такой Юрий Никанорович Воронцов? На этот вопрос нам может ответить бывший старший инструктор политотдела 334-й стрелковой дивизии 4-ой Ударной армии майор Михаил Николаевич Григорьев, ведь в 1942–1943 годах в боях под Велижем он знал его как старшего лейтенанта, потом капитана, инструктора политотдела 334 стрелковой дивизии Георгия Никаноровича Черданцева. В своем письме к Григорьеву от 20 июля 1968 года тот пишет: «Я с 1945 года живу в Москве, сын в этом году поступил в университет, так что время идет быстро. Два года как я нахожусь в командировке, поэтому с ветеранами не встречался. Было приятно получить весточку от тебя, от Рахматулина (секретарь дивизионной парткомиссии), от Митрофанова (завклубом 334 С.Д.). Когда вернусь из командировки, с удовольствием заеду к тебе в Ярославль. Взаимно приглашаю к себе – буду в Москве осенью 1969 года. Твой Г. Черданцев».

Но встрече однополчан так и не суждено было осуществиться. Бывший разведчик 334 С.Д., советник советского посольства Георгий Черданцев погиб в Кельне при невыясненных обстоятельствах.

А сын Георгия – Владимир, о котором он упоминает в письме к однополчанину, после окончания университета посвятил свою жизнь биологии, ныне Владимир Георгиевич Черданцев профессор кафедры биологической эволюции Московского государственного университета.

Нынешним футбольным болельщикам наверняка знакомо имя спортивного комментатора Георгия Черданцева. Правнук Глеба Никаноровича, подобно своему славному предку, не сразу нашёл своё призвание. Играл в футбол замосковский «Спартак», но после травмы колена о спортивной карьере пришлось забыть. В 1992 году окончил романо-германский факультет Московского государственного университета по специальности «переводчик и преподаватель английского языка».

В лихие девяностые пришлось поменять несколько профессий – работал в юридическом отделе банка, в турфирме и даже грузчиком в Стамбуле. А в 1996 году устроился переводчиком в только что созданную телекомпанию “НТВ+”, и через некоторое время сам стал вести репортажи с футбольных полей. Вёл репортажи на Первом канале с чемпионата мира по футболу и из Олимпийского Сочи. Сейчас успешно работает на новом спортивном канале “Матч ТВ”. А в прошлом году вышла книга Георгия Черданцева “Записки футбольного комментатора”.

Не оставляю надежд, что имена выдающихся ташкентцев, о которых я рассказываю в своих очерках, имена врачей, учёных, архитекторов, писателей, режиссёров, актёров, столь много сделавших для развития нашего края, не будут забыты потомками и вновь появятся на топонимической карте нашего города.

Все фотографии из семейного архива Черданцевых. Любезно присланные автору Георгием Владимировичем Черданцевым, за что ему отдельная благодарность.

Повесть вторая

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА ВСЕВОЛОДА ЛУБЕНЦОВА

Книги и фильмы о беспризорниках были весьма популярны в советские времена - «Путёвка в жизнь», «Педагогическая поэма», «Республика Шкид». В них, кроме драматического сюжета, привлекало, что все они были основаны на действительных событиях. «Педагогическую поэму» написал Антон Семёнович Макаренко, основатель трудовых школ-коммун на Украине, а историю школы имени Достоевского (ШКИД), рассказали два её бывших воспитанника Леонид Пантелеев и Григорий Белых.

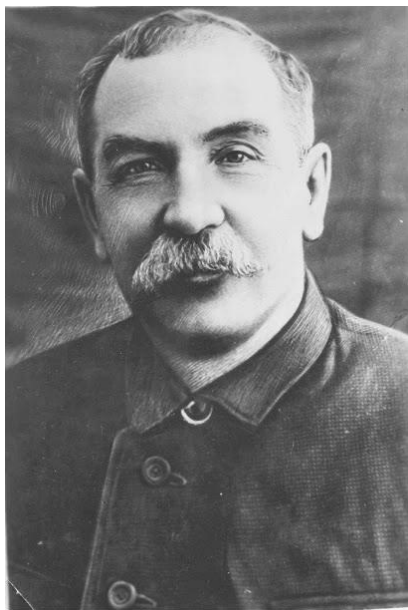
Помните трогательно-смешной эпизод из фильма «Республика Шкид», когда одноглазый беспризорник Мамочка душевно исполняет под собственный аккомпанемент на балалайке песню про кошку?

У кошки четыре ноги,
Позади у неё длинный хвост,
Но трогать её не моги,
За её малый рост, малый рост.

Беспризорщина - результат страшных лет, когда сначала революционные потрясения, а затем гражданская война в России стали причиной того, что почти пять миллионов детей стали сиротами и, выброшенные на улицу, сбивались в криминальные сообщества. Для новой власти решение этой проблемы явилось наиважнейшей задачей. Создаются специальные детские учреждения: трудовые колонии, школы-коммуны, интернаты.

В сентябре 1921 года, в селе Ковалёво близ Полтавы, Антоном Семёновичем Макаренко была создана знаменитая трудовая колония имени Горького. Её историю Макаренко рассказал в своих

книгах. Но мало кто знает, что ещё в 1918 году в Ташкенте была учреждена опытно-трудовая школа-коммуна для детей сирот. Инициатором и многолетним её директором был выдающийся педагог, впоследствии заслуженный учитель Узбекистана Всеволод Фёдорович Лубенцов.

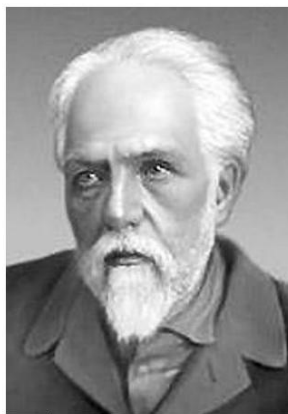

Всеволод Федорович Лубенцов

Всеволод Фёдорович родился 3 октября 1888 года в Черниговской губернии в семье священнослужителя. Окончив Нежинский историко-филологический институт (тот самый, где когда-то учился Гоголь), он в 1910 году уезжает в Ташкент и начинает свою педагогическую деятельность в Ташкентском реальном училище и через два года назначается его директором.

По воспоминаниям людей, близко знавших Лубенцова, это был добрый, тактичный, справедливый человек, прекрасный педагог, обладающий обширными знаниями. Он не мог оставаться равнодушным, видя, как много вокруг появилось бесприютных детей. Всеволод Фёдорович обивает инстанции, пишет письмо в Москву, и в 1918 году под попечительством Н.К. Крупской в Ташкенте открывается школа-коммуна имени Карла Либкнехта. Вначале она располагалась в городе, но вскоре переехала в село Никольское (впоследствии Луначарское), в четырёх километрах от Ташкента. Первым всегда трудно - с огромным трудом добывалось оборудование, мебель и различная утварь. Директор и педагоги школы-коммуны сами искали и приводили сюда детей и старались сделать всё, чтобы для голодных, не знавших ласки ребяташек, школа стала родным домом. Огромную помощь в этом благородном деле оказал тогдашний просвещения Туркестанской Республики Лепешинский.

Новое время требовало новых процессов. Вместе с Верой Андреевной русского языка для узбекских школ) Лубенцов программы. Ему удалось сформировать талантливых преподавателей, среди которых педагоги, готовые экспериментировать и искать неординарные творческие подходы в обучении и воспитании, так и бывшие гимназические учителя и университетские профессора – люди высочайшей культуры.

П. Н. Лепешинский

заместитель наркома
Пантелеймон Николаевич
подходов к учебному
Чинновой (автором учебника
создаёт первые учебные
команду увлеченных
были как молодые, ищущие

Первый год, как и следовало ожидать, оказался самым трудным. Зима 1919 года выдалась на редкость холодной. Снабжение продовольствием ещё не было в полной мере налажено, и многие ученики попросту разбежались. Дисциплина, среди тех, кто остался, стремительно падала. В школе буйно расцвело воровство. Чтобы окончательно не утратить бразды правления, необходимо было принимать жёсткие меры. Но Лубенцов не сторонник репрессий, и он выбирает нетривиальное решение: сами воспитанники должны провести собрание для решения возникших проблем. Собрание

состоялось, и прошло оно без присутствия педагогов. Открыл школьное вече Александр (Шурка) Цыганков. Выйдя на трибуну, он сказал: «Жить в школе очень трудно. Однако если школа развалится, и мы разойдемся, то многие из нас погибнут совсем. Останется цела школа — и мы уцелеем. Что мы делаем для поддержки школы? Ничего! Наоборот, мы ее разворовываем. Все это делают, и я в том числе. Я сам украл шинель, два полотенца и простыню. И каждый, у кого хватит смелости, скажет о себе то же самое. Я хочу спросить всех — что нам делать? Должны ли мы разойтись или нам удастся придумать, как спасти школу и самих себя?»

Речь Шурки произвела на ребят потрясающий эффект. Решено было украденное вернуть - кроме того, что уже было распродано.

Александр Цыганков, через год после этого исторического собрания, ушёл в Красную Армию и погиб в бою с басмачами.

После переезда за город в школе открылись широкие возможности для ведения собственного хозяйства. Это было чрезвычайно важно не только для прокорма, но и для трудового воспитания учеников. Для этих целей был приобретён огромный участок земли площадью 50 гектаров, на котором разбили сад и огород. Были построены мастерские – картонажная, кузнечная, сапожная, слесарная, столярная и другие. В последние годы существования коммуны построили небольшой кирпичный завод. Была в хозяйстве и своя пасека, разводили кроликов и домашнюю птицу.

Всеволод Федорович Лубенцов у школы. Двадцатые годы XX века

В коммуне царил дух демократии. Воспитанники и преподаватели трудились вместе. За порядком следили двое дежурных, сменяемых через сутки — преподаватель и старшеклассник. Все решения, будь то поощрения или наказания за проступки выносились независимым собранием учащихся.

В школе было выбрано ученическое правительство – исполком, и разработан устав совета старших классов. В школе организовали драмкружок, оркестр, выпускали газету. Здесь бок о бок жили дети разных национальностей – русские, узбеки, казахи, туркмены, украинцы, армяне. Личный авторитет Всеволода Федоровича Лубенцова был огромен.

Один из воспитанников коммуны, обнинский краевед и археолог Владимир Сергеевич Нестеров, так описывает первую встречу с Лубенцовым:

«В первый же день мне пришлось стать свидетелем такой сцены. Центром сушки был барак, в который свозились овощи. Там же стояли шинковки — машины для резки овощей вроде больших мясорубок. На них работали 15—17-летние парни и девушки. И вот в их толпе поднялась какая-то кутерьма, раздались крики, многие бегали с ведрами и обливали друг друга. Девушки, как полагается, визжали, но старались не отставать от ребят. Среди этой толпы находился довольно плотный усатый мужчина в мокрой расстегнутой косоворотке, который заразительно смеялся и принимал активное участие в веселой свалке».

Нестеров считал, что именно так должно быть устроено идеальное человеческое общество: «Все это была не “игра в демократию”, а действительно демократия с огромной, заключенной в ней силой».

В 1923 году Всеволод Фёдорович Лубенцов становится обладателем 2-й премии Всероссийского конкурса сельских учителей, организованного газетой «Правда», и награждается

новой солдатской шинелью и яловыми сапогами. Об этом событии написала газета «Правда», а ташкентская школа была названа в статье «жемчужиной Востока».

Более шестисот детей выпустила школа-коммуна. Среди них выдающиеся учёные, академики, профессора. Назову некоторых из них.

Александр Александрович Кухаренко, минералог, профессор, разработанный им метод, позволил открыть первое коренное месторождение алмазов в Якутии.

Александр Алексеевич Бабин, выдающийся геолог, кандидат геолого-минералогических наук, первооткрыватель Бакчарского железорудного месторождения одного из крупнейших в мире. О годах, проведённых в Ташкентской школе-коммуне, он вспоминал впоследствии с неизменной благодарностью:

«...Коммуна, воспитавшая нас, была не только детским домом, убежищем для детей-сирот и беспризорников. Дети получали здесь не только среднее образование. Из числа воспитанников коммуны многие стали учеными, учителями, агрономами, геологами, топографами и специалистами других отраслей».

Михаил Ефимович Лобашёв, генетик и физиолог, профессор, автор учебника по генетике. Он послужил одним из прототипов Саньки Григорьева в романе «Два капитана». Автор знаменитой книги Вениамин Каверин вспоминал, что создание романа «Два капитана» началось с его встречи с молодым учёным-генетиком Михаилом Лобашёвым, которая произошла в санатории под Ленинградом в середине тридцатых годов. «Это был человек, в котором горячность соединялась с прямодушием, а упорство — с удивительной определенностью цели, — вспоминал писатель. — Он умел добиваться успеха в любом деле». Лобашёв рассказал Каверину о своём детстве, странной немоте в ранние годы, сиротстве, беспризорничестве, школе-коммуне в Ташкенте и о том, как впоследствии ему удалось поступить в университет и стать учёным.

Именно здесь, в трудовой школе имени Либкнехта, освоил азы рисования, народный художник Узбекистана Абдулхак Аксакалович Абдуллаев.

Ещё об одном воспитаннике, выдающемся учёном, академике Ялкине Холматовиче Туракулове я рассказал в одной из глав очерка «Они были первыми».

Детище Лубенцова просуществовало до 1931 года, а затем было закрыто. Почему это произошло, неясно. Существует несколько версий. Главная - ушёл из школы Лубенцов, а за ним и весь педагогический костяк. Покинул школу Всеволод Фёдорович не по своей воле. Причиной послужило его происхождение и беспартийность – времена наступали крутые. Однако из Узбекистана Лубенцов не уезжает, он переходит на работу в Узбекскую Педагогическую академию в Самарканде, где занимается научной деятельностью до 1933 года, а затем назначается заместителем директора Республиканского НИИ педагогических наук. Там он проработал до 1939 года, а начиная с 1940 года и до конца своей жизни, исполнял обязанности заведующего кафедрой педагогики Самаркандского аграрного университета. Ему принадлежит более 70 научно-педагогических работ.

Художник Абдулҳақ Абдуллаев у қартины.

Выпускники школы-коммуны Лубенцова. Сверху: профессор-минералог А. А. Кухаренко; профессор-генетик М. Е. Лобашёв; внизу: академик А. Абуллаев; академик Я. Х. Туракулов

Заслуженный учитель Узбекистана, Всеволод Фёдорович Лубенцов скончался 26 июля 1957 года и был похоронен на Боткинском кладбище в Ташкенте.

В истории педагогики, наверное, найдется немного учителей, которые положили всю свою сознательную жизнь на алтарь образования и совершили трудовой подвиг во имя детей. И рядом с именами Макаренко, Ушинского, Сухомлинского можно по праву поставить имя ташкентского педагога Всеволода Фёдоровича Лубенцова.

В качестве дополнения

После опубликования очерка о Лубенцове в газете “Новости Узбекистана”, одна из читательниц прислала мне ссылку на только что опубликованные воспоминания, письма и фотографии одного из воспитанников Всеволода Фёдоровича – Владимира Сергеевича Нестерова. Воспоминания прекрасно дополняют эту документальную повесть о выдающемся педагоге.

Владимир Сергеевич Нестеров — известный краевед и археолог-любитель из города Обнинска.

Родился он в Полтаве в семье учителей. С 1916 года семья жила в Ташкенте, где он учился в школе-коммуне выдающегося советского педагога В.Ф. Лубенцова. В 1930 году окончил физико-техническое отделение Индустриального педагогического института, занимался преподавательской деятельностью в различных организациях (в том числе в тресте «Арктикуголь» на острове Шпицберген). В 1938 году он окончил физфак МГУ, затем работал в различных акустических лабораториях, а после защиты кандидатской диссертации — на кафедре акустики МГУ.

С 1970 года, после выхода на пенсию, Нестеров постоянно жил в Обнинске. Здесь он начинает серьезно заниматься археологией. Во время импровизированных экспедиций по окрестностям Обнинска, им было открыто более пятидесяти археологических памятников.

“В начальную школу меня отдали учиться семи лет. На следующий год по настоянию матери я держал экзамен и был принят в Реальное училище. Это означало пересадку через класс, т.к. подготовительный класс Реального соответствовал третьему классу начальной школы. Поэтому в дальнейшем я всегда был самым младшим по возрасту и одним из самых маленьких по росту в классе. Тем не менее, учился я хорошо, и хотя не был «первым», но обычно одним из лучших в классе.

Революция застала семью родителей в Ташкенте. Я полностью опускаю здесь описание революционных событий, т.к. не хочу отвлекаться от основной темы рассказа. Детом 1917 года я услышал от ребят, что на ипподроме, куда я часто бегал смотреть на полеты допотопных «Фарманов» и «Ньюпаров», организована какая-то ученическая артель по сушке овощей. Там будто бы всех

принимают, кормят, ребята живут в палатках и под открытым небом. На следующий день, захвативши одеяло, я был на месте. Все оказалось точно по рассказам. Меня внесли в какой-то список и через полчаса вместе с другими ребятами я усердно принялся раскладывать свеженарезанные овощи на фанерные щиты, разложенные прямо на земле под горячим среднеазиатским солнцем. Дело оказалось нетрудным, занятым и для меня, привыкшего к школьной скуке и книгам, совершенно необычным. Ребята — и мальчишки и девчонки работали охотно. Единственным правилом там было: «Хочешь работать - милости просим, не хочешь — скатертью дорога!»

В первый же день мне пришлось стать свидетелем такой сцены. Центром сушки был барак, в который свозились овощи. Там же стояли шинковки — машины для резки овощей вроде больших мясорубок. На них работали 15-17-летние парни и девушки. И вот в их толпе поднялась какая-то кутерьма, раздались крики, многие бегали с ведрами и обливали друг друга. Девушки, как полагается, визжали, но старались не отставать от ребят. Среда этой толпы находился довольно плотный усатый мужчина в мокрой расстегнутой косоворотке, который заразительно смеялся и принимал активное участие в веселой свалке.

В. Ф. Лубенцов с супругой

Так состоялось мое первое знакомство со Всеволодом Федоровичем ЛУБЕНЦОВЫМ, впоследствии руководителем нашей школы, а в настоящее время — одним из профессоров Ташкентского Университета. До революции он был преподавателем литературы в старших классах Ташкентского Реального училища. Но там я его не знал и даже, по-видимому, не встречал.

1917-1918 учебный год был последним годом моего пребывания в Реальном. Весной 1918 г. я закончил третий класс Реального Училища, что соответствует шестому классу современной школы. Мне было в это время 12 лет.

Летом 1918 года мама отправила меня в горы. Там была организована тоже из учеников, но только взрослых, артель по обработке земли. На мой прокорм в течение лета мама дала пятипудовый мешок муки, а кроме того — одеяло, две смены белья, кусок мыла, чтобы сам стирал, да пачку бумаги — писать домой письма.

Тысячи новых впечатлений остались у меня от этого лета. Впервые мне пришлось ехать на узбекской арбе за сто с лишним километров. Ехали мы вдвоем, я и один из членов артели Володя Панфилов — крепкий малый лет 18. Через год он погиб в Фергане во время схватки с басмачами. Ночная езда, дневные отдыхи в кишлаках, рассказы о селях — грязевых потоках неимоверной мощности, скатывающихся с гор после проливных дождей, изогнутые могучими силами природы каменные пласты, скалы, горные хребты и бурные реки — все это до сих пор живет в моей памяти.

На месте оказалось следующее. В крохотном узбекском кишлаке Щунгак, расположенном в ста километрах от Ташкента в долине реки Чаткал, на участке земли около 10 га обосновалась артель из 15-20 юношей 16-18-летнего возраста. Организатором артели был тот же В. Ф. Лубенцов, здесь я познакомился с ним значительно ближе. Так как я был самым маленьким, то меня привлекали только на легкие полевые работы, основным же моим занятием стала пастьба быков. На два летних месяца я превратился в пастуха. Около Щунгака долина Чаткала имеет ширину около 3-х километров. Со всех сторон она окружена горами. Значительная часть долины возделывается. Посреди нее Чаткал прорыл настоящий каньон с вертикальными стенами глубиной метров 50 и там мечется, и ревет. Выгонишь быков за пределы обработанных полей к Чаткалу, ляжешь среди засыхающей травы и любишь перспективой островерхих гор. Солнце катится по бездонному, безоблачному темно-голубому небу, цикады звенят на разные голоса и веет мягкий, ласковый ветер. Пока быки паслись, занимался то ловлей цикад и сажал их в спичечные коробки, то уходил на склон сплошь занятый непроходимой массой диких роз, рвал и жевал их разноразные ягоды, то бродил в другом соседнем месте, где в изобилии росла горная вишня (мелкий кустарничек высотой сантиметров 40) и набирал полные пригоршни ее слегка вяжущих ягод. Часто, уходя на пастьбу, я захватывал с собою Ростана или Мольера и, пристроившись в тени камней, зачитывался ими.

Впоследствии мне довелось много раз бывать в горах и видеть прекрасные места, по сравнению с которыми Щунгак — жалкая дыра. Но в те дни «мне были новы все впечатления бытия», и до сих пор они в моей памяти остались такими же. Здесь же я узнал, что Всеволод Федорович — человек сильной волн, не ломающийся и идущий своими собственными путями. Вся его сознательная жизнь была заполнена бесконечными поисками, организационными хлопотами и экспериментами. Ипподром и Щунгак, так же, как и другие его начинания, были подготовительными ступенями к постановке производству экспериментов по разработке общих и частных методов воспитания

действительно «новых» людей. В какой мере ему удалось осуществить эти замыслы, я постараюсь описать ниже.

Осенью 1918 года мама сказала, что в Реальном я больше учиться не буду, а перейду в другую школу. Действительно, через некоторое время она свела меня и сестру Лену на медицинский осмотр в помещение бывшего Кадетского корпуса, находившееся на окраине города. Врач нашел у меня перебои сердца, и вначале по этой причине меня не согласились принять, но затем через некоторое время все было улажено и вот с 1-го октября 1918 года — я стал учеником старшего 7-го класса новой школе, носящей название «Трудовой».

В нашем обиходе название «Трудовая» школа и «Трудовики» — воспитанники школы, прочно укоренилось и продолжает до сих пор сохраняться всеми лицами, имевшими отношение к школе. Однако, когда все школы стали «Трудовыми», впоследствии официальное название нашей школы постепенно изменялось, усложнялось и окончательно установилось в довольно длинной форме: «Опытно-показательная школа — коммуна имени Карла Либкнехта». В этом названии каждое слово имело глубокий смысл. Школа, действительно, была «Опытной» — вся ее деятельность была сплошной цепью экспериментов, она стала «Показательной» — ее знали и постоянно посещали педагоги со всей Средней Азии, а также многие работники Центра. Она стала настоящей «Коммуной». Наконец, она с честью носила имя мужественного человека, единственного парламентария мира, открыто поднявшего свою руку против войны. Этот смелый акт во имя гуманизма был как бы символом истинного гуманизма, начертанного на идейном Знамени школы. В Ташкенте — это была одна из первых школ, вновь организованных после революции. Ее инициатором был тот же неутомимый Всеволод Федорович ЛУБЕНЦОВ.

Первый контингент учащихся был набран из детей сирот, которые принимались на полное обеспечение и постоянное жительство вплоть до окончания школы. Основание к этому заключалось не в каких-либо сантиментальных или филантропических соображениях, а в том, что такие ученики могли целиком отдаваться школе, школа же была избавлена от возможного вмешательства со стороны родителей, что при постановке педагогических экспериментов могло вредить делу. В дальнейшем этот принцип пополнения школы продолжал сохраняться. Исключения делались только для детей сотрудников школы. Моя мать сначала была тесно связана с основной группой педагогов, а затем с 1919 года перешла на работу в школу. Поэтому я и мои сестры, хоть мы и не были сиротами, тоже учились в школе. Из бывших реалистов в школу попал я один, из гимназистов, кажется, — никто. Несколько бывших кадетов — сирот, оставшихся жить после ликвидации Кадетского корпуса в его помещении, отведенном под нашу школу, были включены в ее состав. Таким образом, к нам попали Анатолий и Кирилл Кочневы, Сережа Борисов и некоторые другие, из их числа Анатолий Кочнев, мой одноклассник, погибший два года спустя от воспаления легких, в 1919/20 гг. сыграл большую роль в деле оформления ученической организации. Из каких учебных заведений были взяты остальные ученики первого набора, я не знаю. В последующие годы одиночками и небольшими группами вливались беспризорники, приток их усилился в 1921 г., когда в Среднюю Азию нахлынула масса

беженцев с Поволжья. Однако, попадая в хорошо сформировавшийся ученический коллектив, беспризорники быстро ассимилировались и теряли свой специфический «дух». Прибегать для их перевоспитания к каким-либо сугубо «сильным» приемам не приходилось.

Сначала под школу было отведено прекрасное здание бывшего Кадетского корпуса. Часть кадетского обмундирования пошла в школьный цейхгауз, и мы в течение трех лет донашивали добротные мундиры и сапоги. Поэтому первые годы «трудовиков» всегда можно было узнать издали по своеобразной форме, отличавшейся от кадетской отсутствием погонов, споротыми кантами да защитными черным сукном пуговицами. Сапоги, мундиры и шинели носили так же и девочки.

Через три месяца громадное здание б.Кадетского корпуса было отдано под госпиталь, а школу переселили в недостроенное помещение б.Юнкерского Училища. Хорошо помню, как нам пришлось таскать на себе школьное имущество по страшной слякоти и под дождем. Было начало зимы, оказавшейся в 1918/19 году очень суровой. Снег не таял в течение трех месяцев, что для Ташкента является редкостью. В январе 1919 года вспыхнуло эссеровское восстание, и город превратился в поле боя. За эту тяжелую зиму школа не получала почти никакого снабжения, не имела топлива, и героические усилия ее организаторов были направлены в первую очередь на то, чтобы достать для нескольких сотен голодных ртов хлеба и крупы. Ребята отчаянно мерзли, спали в сапогах и шинелях, кто ухитрялся раздобыть лишний матрац — наваливал его поверх одеяла. Почти все ходили с отмороженными пальцами и лицами, т.к. в спальне температура спускалась до -10°C .

Учебная работа разваливалась, во время январского восстания занятия были прерваны и возобновились только месяца через полтора. Мастерские, они были организованы немедленно после открытия школы, так же почти не работали. Кто из учеников мог уйти к каким-либо родственникам — ушли, и многие в школу больше не вернулись. Среди оставшихся, которым деваться было некуда, быстро началось моральное разложение, выразившееся в первую очередь в катастрофически нараставшем воровстве и расхищении школьного имущества. Казалось, что вся затея с «новой» школой под действием этих факторов развеется прахом. И тем не менее, школа выдержала, а пережитая отчаянная зима, в конечном счете, принесла пользу, т.к. вызвала к жизни такие формы школьной организации, которые оказались пригодными и для преодоления текущих трудностей и на много лет в будущем обеспечили успешное развитие школы.

Когда стало ясно, что школа стоит на границе полного развала, в конце февраля или начале марта 1919 года было созвано собрание двух старших классов — нашего седьмого и шестого. На нем не присутствовал ни один из педагогов и не было никакой официальной повестки дня. Не помню даже, были ли выбраны председатель и секретарь и велся ли протокол. Открыл это собрание Щурка Цыганков, мой одноклассник, красивый черноволосый парень. На первых порах он играл в школе заметную роль, но затем года через два вместе с другим Щуркой — Шапоренко ушел из школы, поступил добровольцем в Красную Армию и сложил голову под басмаческими пулями в Восточной Бухаре. Тела его и погибших его товарищей были сброшены басмачами с кручи в бурные волны Аму-Дарьи.

Речь, произнесенная Цыганковым при открытии этого исторического собрания, была короткой и простой. Вот ее приблизительное содержание:

«Жить в школе очень трудно. Однако, если школа развалится, и мы разойдемся, то многие из нас погибнут совсем. Останется цела школа — и мы уцелеем. Что мы делаем для поддержки школы? -Ничего! Наоборот, мы ее разворовываем. Все это делают, и я в том числе. Я сам украл шинель, два полотенца и простыню. И каждый, у кого хватит смелости, скажет о себе то же самое. Я хочу спросить всех — что нам делать? Должны ли мы разойтись и стать настоящими ворами или нам удастся придумать, как спасти школу и самих себя?»

Позднее мне стало ясно, что и это собрание, и речь Цыганкова и последующее выступление нескольких самых взрослых учеников были тонко инспирированы педагогами, поставившими последнюю ставку на призыв к совести. Однако, расчет на психологическое действие честного признания оказался неизмеримо более действенным, чем обычно употребляемые в таких случаях полицейские меры.

Вслед за Цыганковым с подобными же признаниями выступили Володя Пошляков, Анатолий Кочнов, Гурий Мужиченко, и пошло, и пошло... Начался бесконечный поток признаний, да таких, которые самый опытный следователь не сумел бы вытянуть. Короче говоря, в расхищении школьного имущества, действительно, оказались виновны все. В том числе и я. Правда, у меня была мелочь — финский нож, украденный в столярной мастерской, да пригоршня восьмидюймовых гвоздей оттуда же, привлечших мое внимание своей редкостной величиной. Но все-таки было. А «смелости сказать о самом себе» — хватило у всех. Это собрание продолжаюсь в течение двух дней до глубокой ночи и закончилось созданием первой ученической организации, названной «Советом Старших классов», который брал на себя руководство всей внутренней школьной жизнью. Было решено, что украденные и не реализованные вещи возвращаются в школу, о прочих вещах, в краже которых ребята сознались, больше не вспоминать, но если впредь кто-нибудь попадет в воровстве, то исключать его из школы постановлением ученической организации. Было выбрано первое ученическое правительство — Исполком и через некоторое время разработан Устав Совета Старших классов.

После этого собрания кражи прекратились и в последующем стали крайне редким явлением. Я помню только два случая, происшедшие несколько лет спустя. В одном из них (кража микроскопа из биологического кабинета) виновность подозреваемого доказана не была. Но разбор этого дела взбудоражил всю школу, и споры на нескольких общих ученических собраниях, выполнявших так же и судебные функции, ясно показывали — каково отношение ученической массы к такого рода поступкам. В другом случае, когда виновный был схвачен с отмычкой на месте преступления, он по решению общего ученического собрания был отправлен в колонию для малолетних преступников. Наконец, третий случай — кража ружья из препаровочной мастерской раскрыта не была. Спустя несколько лет, когда я уже не учился в школе, мне совершенно случайно пришлось напасть на след виновного. Это преступление организовал бывший ученик в момент кражи не имевший к школе никакого отношения.

Возвращаясь к первому собранию и к первым шагам ученической организации, я должен отметить два существенных результата, изменивших весь тонус школьной жизни. Во-первых, в школе сразу же очистилась моральная атмосфера, «покаявшись» и признавшись друг другу, все словно вдохнули чистого воздуха. Во-вторых, у ребят пробудилось чувство общности, они стали ближе друг другу и почувствовали себя членами «коллектива», а не случайным сборищем, посаженным за парты.

Новая организация немедленно принялась за дело. Вся ее сила сказалась в дальнейшем, при переезде школы за город.

Преподаватели и ученики школы – коммуны. В нижнем ряду, в центре Лубенцов

Весной 1919 г., точно не помню, кажется, в апреле, сначала небольшая группа школьников, а потом и вся школа переехала в здание бывшего приюта, расположенное в четырех километрах от Ташкента по соседству с селом Никольским, позднее переименованном в село Луначарское.

Школа

Этот переезд был сделан не по нужде, а совершенно сознательно, т.к. именно здесь, в условиях сельской местности предполагалось производить эксперименты с «трудовым» воспитанием. На первых порах школа не ставила себе целью готовить специалистов сельского хозяйства (до этого дело дошло через несколько лет и речь об этом будет ниже), и «труд» был нужен школе с двух точек зрения. Во-первых, как сильный воспитывающий фактор, формирующий и подготавливающий будущего

человека к любой деятельности – интеллектуальной и физической. И, во-вторых, с чисто экономической стороны, как фактор, обеспечивающий нормальное существование школы. Забегая несколько вперед, могу сказать, что первые годы своего существования школа получила из государственных средств менее 15% своего бюджета. Более 85% получались школой за счет своего собственного производительного труда. Не забывайте, что все ученики находились полностью на школьном содержании, и, следовательно, содержание школы обходилось государству во много раз дешевле, чем содержание любого детдома или современного Ремесленного училища, с равным количеством воспитанников.

Первые попытки создания базы для трудового воспитания были сделаны еще в самом начале, когда школа находилась в городе. В это время при школе были организованы столярная, сапожная, швейная и корзиночная мастерские. Вначале предполагалось, что каждый ученик должен поочередно работать во всех мастерских, но затем довольно скоро от этого отказались, и началась специализация. Мне хотелось работать в столярной мастерской, но т.к. я был мал ростом и слабосилен, то мне предложили выбрать любую из остальных. Я выбрал сапожную и в течение четырех лет там работал. Сколько пар обуви за это время мне пришлось починить и сшить заново. В Луначарское переехало около 300 человек, а когда я уходил в 1923 году, число учеников перевалило за 500. Ни пап, ни мам ни у кого не было, кадетское наследство было давно разбито вдребезги, а между тем никто босиком не ходил. То же самое было с одеждой. Весь ремонт, вся пошивка новой одежды и обуви производились руками таких же подростков, каким был я в те годы. Чтобы не возвращаться еще раз к мастерским, скажу, что позднее в школе были дополнительно организованы мастерские: картонажная, слесарная, кузнечная, препаровочная. Столярная сначала была механизирована при помощи конного привода, а затем в ней поставили два двигателя внутреннего сгорания, работавших на целую серию пил и деревообделочных станков. Наконец, школа завела себе собственный кирпичный завод, на котором был изготовлен и обожжен кирпич для постройки новых зданий. Мне лично пришлось позднее работать немного в столярной мастерской, изготавливая колодки для сапожной, затем в корзиночной, имевшей в школе большое значение, т.к. требовалась масса корзин для уборки урожая овощей и фруктов. Последний год своего пребывания в школе я работал в препаровочной по изготовлению чучел и скелетов.

Еще до переезда за город Всеволод Федорович и другие педагоги добились отвода для школы большого участка земли. В это время в соответствии с декретом о национализации были отобраны все частные земельные владения площадью более 8 гектаров. Школа получила пять таких участков, прилегавших друг к другу и имевших общую площадь немного более 50 га. Из них более половины были заняты садами. Кроме того, в 12 километрах от основного школьного участка было получено еще два земельных участка около кишлака Кибрай гектар по 70 каждый. Первые годы эта земля полностью обрабатывалась и служила очень большим подспорьем. В дальнейшем, когда школа прочно стала на ноги, от Кибрайских участков она отказалась и у нее осталась только основная земельная

площадь, в Луначарском. Земля обрабатывалась, и сады содержались в образцовом порядке. Сельскохозяйственные работы велись силами учеников. В качестве инструкторов работали педагоги, старшие ученики, и человек пять узбеков — Каюм, Шарип-Ходжа и др. Сложная система поливного сельского хозяйства школой была полностью освоена. После приведения садов в порядок школа стала получать урожаи фруктов до 15000 пудов ежегодно. Деревья регулярно подрезались, окучивались, поливались, производилась побелка, и окольцовывание и опрыскивание. Устаревшие участки садов пришлось выкорчевать и засадить новыми деревьями. Так, мне самому пришлось принять участие в посадке на Собенниковской даче около четырех гектаров персиков и яблонь, на Крюковской даче — двух гектаров абрикосового сада. Урожай в садах собирался, большая часть его высушивалась, а самые лучшие сорта яблок и груш закладывались на зимнее хранение. Сушка фруктов представляла весьма трудоемкую работу, которую выполняли, в основном ученики младших классов. Резка и сушка фруктов производилась при помощи знакомых мне еще по работе на ипподроме шинковок и фанерных щитов. Свежие фрукты сохранялись до самой весны и все ученики в течение зимы, вплоть до Первомайских праздников ежедневно получали к столу свежие фрукты. После окончания гражданской войны, когда наладилось железнодорожное сообщение с центральной Россией, школа стала ежегодно отправлять в Оренбург, Самару и в Москву по несколько вагонов фруктов на продажу.

В образцовом порядке содержались и школьные поля, на которых возделывались практически все огородные и полевые культуры: капуста, картофель, фасоль, помидоры, кабачки, баклажаны, дыни, арбузы, лук, огурцы, пшеница, люцерна, хлопок, просо и т.д.

Сельскохозяйственные работы в Средней Азии требуют много времени, сил, внимания и специфических знаний — когда и как ухаживать за какой культурой. Эти работы совершенно не похожи ни на русское, ни на украинское огородничество. Зато при умелом и добросовестном уходе земля в Средней Азии сторицей вознаграждает затраченный труд.

В условиях среднеазиатского поливного земледелия все культуры, кроме люцерны и злаков, высаживаются на грядки. Почта все работы, за исключением вспашки, боронования и культивации некоторых культур при помощи конной культивации в школе производились вручную, при помощи т.н. «кетней». Кетмень — это широко распространенное среднеазиатское орудие, заменяющее собою одновременно лопату и мотыгу. По форме он похож на последнюю, но значительно больше, тяжелее и имеет более правильную форму. При работе кетмень приходится заносить над плечом, а затем, совершая рубящее движение, ударять с размаха в землю. Орудие прекрасное, гораздо более совершенное, чем обычная лопата. Кетменем земля вскапывается, делаются грядки, производятся многочисленные окучки и другие работы. Кетмень совершенно необходим при поливке т.к. с его помощью открывается и закрывается доступ воды в сложную систему канавок между грядками. Кетменями же в Средней Азии выкапываются арыки протяжением в десятки и сотни километров, копаются многометровые колодцы и т.д. и т.п.

Вспашку производил обычно Шарип-Ходжа или кто-нибудь другой из узбеков, молировку — раздавливание засыхающих комков земли, при помощи «молы» — тяжелого бревна, которое тянут

быки и на которое становится работающей, — кто-нибудь из старших учеников. В дальнейшем, начиная с 1923 года, когда школа завела собственный «Фордзон», вспашку производили старшие ученики на тракторе, а молировка была заменена боронованием при помощи дисковой бороны.

Все остальные работы — разделку грядок, окучки, посадку, поливки и уборку урожая производили сами ученики.

Воскресенье, 10 октября 1948 года.

Я только что вернулся из кино, смотрел «Валерия Чкалова». Роль Сталина в этой картине играет Мдивани. Наш Всеволод Федорович внешне был очень похож на этого артиста. И раньше я неоднократно отмечал сходство между Сталиным и Лубенцовым. Это сходство особенно заметно на нескольких более простых фотографиях, где Сталин изображён не подчеркнуто волевым государственным мужем, а в более спокойном виде или улыбающимся. По сравнению с Мдивани Всеволод Федорович был чуть-чуть полнее и «увесистее». Кроме того, он имел более высокий лоб, голубовато серые глаза и немного более пушистые усы. Нос, подбородок, общий овал лица, — были чрезвычайно похожи. В довершение сходства, он так же носил полувоенную форму: фуражку и серую, хорошо облегающую фигуру шинель солдатского сукна. Сходство было совершенно случайным, и не о каком подражании речи не могло быть. Летом Всеволод Федорович носил белую рубашку на выпуск, подпоясанную тонким ремешком, и неизменную белую панаму. Впрочем, панамы летом носили все трудовики того и другого пола. В поведении и речи сходства не было. Речь его не прерывалась паузами, в течение которых Мдивани как бы собирался с мыслями, а текла свободно и очень последовательно. В деловых случаях со всеми обращался как с равными, но в высшей степени серьезно, т.ч. никогда и ни у кого не возникало поползновения на панибратство, хотя очень многие были с ним на «ты». В минуты отдыха бывал весел и умел искренне и заразительно смеяться. Энергии, работоспособности и эрудиции у Всеволода Федоровича с избытком хватило бы на добрый десяток рядовых директоров обычных школ. Личным авторитетом в глазах учеников, педагогов и всех работников школы он пользовался очень большим, и не как «заведующий», а просто как «Всеволод» (так его звали за глаза и до сих пор так называет бывшие учителя и ученики). В споры на деловой и принципиальной почве с ним вступали многие и неоднократно, это не возбранялось, не преследовалось и не роняло его авторитета. Во всем коллективе он просто был самым умным и самым дальновзорким членом этого коллектива, а потому и его естественным вождем, а не назначенным администратором.

Возвращаюсь к продолжению рассказа....

(Рассказ, к сожалению, закончен не был)

Могила В. Ф. Лубенцова на Боткинском кладбище г. Ташкента